

Избирательная преемственность исторического опыта

В трансформирующемся обществе универсализм картины мира замещается множеством «картинок» мироздания, грань между которыми проходит в соответствии с новыми социокультурными взаимодействиями. Представления о гармоничном космосе, характерные для классических определений наследия, распадаются на множество форм, дифференцированных по разным уровням культурной компетентности, свойственным различным системам координат многочисленных социокультурных групп. Само же культурное наследие воспринимается этими группами в той мере, в какой те или иные фрагменты его отвечают их требованиям социальной значимости и тем самым позволяют адаптироваться в сложной и динамичной социокультурной среде.

В самом общем виде *наследие* как социокультурный феномен может быть представлено в качестве процесса освоения многомерного социокультурного опыта: необходимого «набора» точек зрения на мир (картин мира), представлений, символов, традиций, стереотипов и образцов деятельности. Они позволяют отразить видение мира, присущее данному конкретному социуму, удостоверить чувство культурной идентичности (референции) стране, народу, государству, нации, конфессиональной, региональной или какой-либо иной социальной общности; а также уточнить ролевые идентичности, сформулировать национальное и гражданское самосознание.

Процессы дифференциации социальной значимости всего корпуса знаний (текстов) как общей «сокровищницы культуры» не могут не порождать известного релятивизма представлений об относительности знания и об относительной значимости тех фрагментов наследия, которые в иные эпохи воспринимались как его классические образцы.

В модернизирующемся обществе возникает *операциональная* модель наследия: соотношение потенциальной и актуальной культуры, что изменяет и функции наследия – его социализирующую роль. Передача социокультурного опыта от старших поколений к младшим осуществляется уже не в форме нарратива, т.е. последовательного упорядоченного освоения образцов высокой

культуры, а в *постмодернистской* парадигме, которая допускает смешение разных культурных контекстов и стилей, создание новых конструкций наследия из артефактов разных уровней сложности и перемешанных классификаций. Это, по сути, результат процессов нивелирования шкалы культурных ценностей, стирание граней между высокой и массовой культурой. Актуализация отдельных фрагментов культурно-исторического наследия осуществляется не в форме последовательной передачи опыта, а в *избирательной преемственности*¹ тех частей наследия, которые, так или иначе, значимы для современников.

Традиционная единица операционализации культурного наследия – *памятник культуры* как социокультурная значимость актуализированных образцов (ценностей) наследия. В качестве аналитической единицы, выделяемой для изучения, сохранения, распространения, освоения социокультурного опыта, памятник может быть представлен в *дискурсе* – познавательной (когнитивной) модели. Дискурс памятника – интегрированная модель обработки некоторого исторического (социокультурного) контекста. Эта модель обладает ретрогностическим потенциалом, т.е. является долгосрочной ментальной моделью, интегрирующей знания о картинах мира, способах бытования тех или иных традиций, путях мировосприятия, мифологии, искусстве, образе жизни и т.д.

Следующей аналитической единицей культурного наследия является своего рода историческая инфраструктура – *историко-культурная среда*. Понятие это широко распространено как в градостроительных проектах (исторический центр города, историческое поселение), так и в особых проектах сохранения культурного наследия – *музеефикации*. Историко-культурная среда – это, с одной стороны, пространство природное, а с другой – «вещественное», освоенное социокультурное окружение – пространство антропогенное как условие и средство формирования социокультурной активности.

Свидетельством этой освоенности, ее «следами» является историческая инфраструктура, представленная в социокультурном контексте – условно спроектированном окружении.

¹ Такая избирательная преемственность исторического опыта составляет предмет сравнительно новой научной дисциплины – *исторической культурологии*, изучающей предметы прошлого в настоящем, т.е. есть актуализирующей те части культурного наследия, которые позволяют субъекту адаптироваться в современном мире.

Иначе говоря, историко-культурная среда – это предметная, вещественная среда историко-культурных реконструкций и в то же время их символическое поле. Она может включать памятники разных типов: музейные комплексы, ландшафты и прилегающие территории.

Третья единица анализа культурного наследия – *традиция* представляет собой механизм межпоколенных коммуникаций для поддержания и сохранения устойчивости культурных образцов, ценностей и норм. В отношении освоения культурного наследия проявляется как прямая трансляция социокультурного опыта, непосредственная передача культурных образцов от одного поколения другому. Традиция – динамический процесс соотношения (всякий раз изменяющегося) актуализированных и трансформированных частей наследия. Степень изменчивости этого соотношения определяется интенсивностью стратификации общества, поскольку в разных социальных слоях реализуются разные части наследия. В этом смысле традиция определяет «границы поля» альтернатив и возможностей, в рамках которых делают свой выбор поколения.

Проблема освоения наследия заключается прежде всего в том, что существует расхождение между пониманием наследия как беспредельности способов и форм преемственности социокультурного опыта и реальной ограниченностью выбора лишь определенного класса объектов наследия. Иначе говоря, не весь беспредельный социокультурный опыт поколений осваивается каждым единичным субъектом, но лишь актуальный для него. Избирательность предполагает определение критериев. Эти критерии как раз и проявятся как механизмы сохранения наследия. В качестве таких устойчивых механизмов воспроизводства определенных объектов наследия выступает *традиция*. В обыденном сознании преобладает представление, что традиция – это тот социокультурный опыт, который остается неизменным при передаче от одного поколения к другому и как бы автоматически перетекает из общей «сокровищницы культуры» очередным поколениям.

На самом деле, передача опыта происходит не автоматически, не целенаправленно, не беспорядочно, но векторно. Векторность, как очевидно, предполагает какую-то цель и деятельность в соответствии с этой целью. В качестве таковой может выступать какой-нибудь план, идеал или образец. Чем в данном случае может определяться выбор тех или иных объектов культурного наследия современным человеком? Видимо, потребностями, вкусами,

мировоззрением, системой ценностей и т.д. Точно так же определенные картины мира существуют и в обществе в целом, и в каждой из его многочисленных социокультурных общностей. Те или иные фрагменты наследия вписываются в современные картины мира.

Таким образом, преемственность изначально предполагает изменчивость. Воспринятый социокультурный опыт видоизменяется в соответствии с тем идеалом (идеей, парадигмой), который задан современной социокультурной ситуацией. И в новых поколениях воспроизводится трансформированный опыт. Поэтому те фрагменты наследия, которые восприняты через механизмы традиции, способны изменять свои функции, смыслы, в результате чего возникает «разрыв» между их «местом» в структуре наследия и современной социокультурной ситуацией.

В качестве уникального историко-культурного локуса тот или иной фрагмент наследия может быть «музеефицирован», т.е. интерпретирован в составе музейной экспозиции как некая неповторимая музейная ценность, как раритет. А в актуальной среде этот же предмет может выступать в совсем иной функции: не как редкий культурный экспонат, а как часть вполне реальной жизни, полезный элемент образа жизни. Изучая эти разрывы, можно понять механизмы непрерывности/дискретности в динамике культуры. Распространенное понимание наследия как «совокупности культурно-исторических ценностей», по сути, недостаточно для определения роли наследия в современности, поскольку не удастся сформулировать значение наследия как всеми разделяемой универсальной ценности. Такое определение выступает наподобие неких неизменных метафизических сущностей, что не соответствует реально изменяемым частям наследия в ходе социокультурных трансформаций.

Кроме того, необходимо учитывать ситуации социокультурных взаимодействий: в социально дифференцированном обществе историко-культурные ценности так же социально дифференцированы. Социальная значимость находится в прямой зависимости от места и времени, характера, условий, мировоззренческих установок той или иной исторической эпохи. То, что кажется социально значимым в один исторический период, может быть совершенно невостребованным в другой. И социальная значимость реально будет определяться «носителями» этих ценностей. Поэтому отсутствие анализа

социокультурного контекста наследия – существенный пробел в современной литературе по данной тематике.

Наследие становится реальным социокультурным фактом лишь при условии его передачи, освоения, т.е. актуализации. Следовательно, главным аспектом этой актуализации становится значение *трансмиссии*, раскрывающей механизм передачи в процессе социализации – преемственности, передачи социокультурного опыта от старших поколений к младшим. Для достижения эффективности этого процесса необходима разработка модели наследования как механизма трансмиссии, поскольку именно в этом вопросе много ошибок и недоразумений. Например, широко распространены достаточно упрощенные схемы наследия, отождествляющие его функции в традиционных и современных обществах. В этих концепциях воспроизводство культуры отождествляется с наследием и происходит по программе «как было», где все образцы находятся в прошлом. Но, как очевидно, современное общество нельзя отождествлять с традиционным, хотя бы потому, что последнее в известной степени однородно в культурном плане. Современное общество интенсивно стратифицируется, что приводит к «расщеплению» традиций. В результате разные социальные слои, общности, группы населения находят в наследии «свои» культурные истоки и, соответственно, формируют «свою» традицию.

Расслоение традиций по-новому ставит вопросы наследия и преемственности. Решение проблемы взаимосвязи разных частей наследия возможно на основе применения сравнительно-исторического метода при изучении межпоколенных коммуникаций.

Искомая модель наследия оказывается величиной непостоянной и реально существует как выбор разными поколениями разных частей наследия. Поэтому функция передачи здесь не может быть основным критерием, поскольку необходимы все составляющие стратифицированной схемы предмета наследия: субъектная, объектная, функциональная, динамическая, аксиологическая.

Кроме того, традиция как непосредственная передача социокультурного опыта характерна в большей степени для этнографических обществ. В сложных социумах эта трансмиссия может быть опосредована письменной культурой. Тогда возрастает роль *интерпретаций*, необходимых для объяснения механизма трансмиссии в трансформирующемся обществе. Нередко вместо этих

объяснений применяются штампы. Наиболее употребимый из них – понятие «традиционализм», в котором схема наследования менее сложных обществ переносится на более сложные, и, таким образом, получается, что общество не развивается, а лишь наследует старые традиции. В определениях традиционализма общество оказывается антиисторичным; дело представляется так, что каждое последующее поколение должно воспроизводить «без изменений» образ жизни предшествующего, и что этот вневременной процесс отождествления настоящего с прошлым выступает признаком стабильности, традиционности. Но современное общество нельзя интерпретировать по тем же меркам, что и традиционное, поскольку оно более неоднородно в социальном и культурном плане.

Культурное наследие изучается разными методами: структурно-функциональным – для определения значений культурных объектов прошлого в настоящем; динамическим – выявляющим изменения значений культурных объектов в историческом времени; экспериментальным, который сводится к контролируемому наблюдению. Экспериментальная логика – важнейшая составляющая познавательного процесса, невозможная без применения методов сравнения в контролируемом наблюдении.

Для сопоставления объектов прошлого и их значений в социокультурном времени и пространстве необходим сравнительно-культурный (исторический) метод. Далее возникает вопрос: по каким критериям можно сравнивать? Поскольку культура выполняет в обществе не только интегративную, но и сравнительную функцию, это сопоставление осуществляется по *сходству и различию*. Во-первых, можно выделить набор характеристик, общих для всех сравниваемых культурных единиц («панкультура»); с ним, этим образцом, сравниваются разные культурные единицы для выявления специфичности или уникальности каждой из них. Во-вторых, сравниваться между собой могут отдельные культурные единицы, чтобы выявить вариации общих культурных образцов или уникальные черты. В-третьих, культура того или иного исторического периода может пониматься как некоторая условная ценность, что позволяет идентифицировать разные ее части как соотнесенности с этими целостностями. Тогда эти части квалифицируются как субкультуры.

Но культурное наследие невозможно изучать без понимания исторической динамики культуры, которая показывает изменения взаимосвязей

человека с окружающей средой: появление новых способов адаптации (инструменты, действия, оценки) в результате разных вызовов среды.

Историческое измерение культурного наследия включает, прежде всего, генезис, механизм традиции для сохранения межпоколенных коммуникаций, для поддержания устойчивости культурных образцов, ценностей, норм.

При изучении динамики культурного наследия следует учитывать различие между макроисторическим и микроисторическим подходом. Например, традиция как непосредственная передача культурных образцов от одного поколения к другому динамически выступает как всякий раз меняющееся соотношение актуализированных и трансформированных частей наследия. Соответственно сравнению может быть подвержена степень изменчивости этого соотношения, которая определяется интенсивностью дифференциации общества, поскольку в разных социальных слоях актуализируются разные части наследия. В этом смысле в традициях сравнительным методом можно определять границы поля выбора разных (альтернативных) образцов в разные исторические периоды.

Кроме того, культурное наследие как предмет динамического анализа исследования невозможно без понимания его аналитической структуры: *кто* является субъектом изменений (трансформаций)? *Что* и *как* трансформируется в результате актуализации тех или иных частей наследия (памятники, культурные среды, традиции, технологии их реконструкции, образцы использования и функции памятников в разных культурных средах, оценка культурных памятников как механизм отбора с точки зрения их социальной значимости)? В контексте макроисторического анализа можно также сравнивать, *где* возникают трансформации. В каких точках социальной организации, ее уровнях, слоях? Как они распространяются: каково информационное поле трансформаций? От чего зависит его расширение или сужение?

Сравнительный метод имеет огромное значение и в изучении такой аналитической единицы наследия, как памятник. В дискурсе памятника могут сравниваться наборы черт, интегрирующих знания о картинах мира в разные исторические эпохи. Выявляя степень специфичности каждой культуры, можно сравнить степень предпочтительности тех или иных памятников истории и культуры. Сопоставляя памятники науки, культуры и техники, можно судить о

развитости той или иной области знания, распространенности образцов взаимодействия и коммуникации, технологий или специфических условиях модернизации исторических обществ.

Особенно большой материал для сравнительного метода предоставляет историко-культурная среда, поскольку она являет собой целостные музеефицированные объекты, включающие в себя свидетельства активности человеческой деятельности, ее разнообразные следы. Реконструируя предметную интегрированность культурно-исторических сред, можно сравнивать различные типы памятниковых объектов, уникальные свойства музейных комплексов или находящихся в них ландшафтных территорий.

Сравнительно-исторический метод позволяет конструировать предмет наследия в качестве динамики трансформации синхронных образцов в диахронные. С помощью определений регресса этот метод объясняет способы вхождения истории в современную культуру. Иначе говоря, снимает оппозиции общего и особенного в развитии истории и показывает условия трансформации.

Итак, главной проблемой освоения наследия выступает расхождение между пониманием наследия как абстрактной сокровищницы культуры, некоторого неизменяемого состава культурных ценностей, накопленных человечеством, и его реальной изменчивостью – дифференцированностью в социально стратифицированном обществе по национальным, политическим, социокультурным, субкультурным, региональным, локальным, конфессиональным образцам. А значит, актуализация тех или иных фрагментов наследия определяется его субъектами: социальными слоями, политическими партиями, общественными организациями, конфессиональными или региональными объединениями, представляющими свои образцы в качестве памятников, традиций, историко-культурных сред.

Эта проблема, операционализованная через последовательные конкретизации в проблемные поля и выраженная в качестве приоритетов, предполагает создание идеально-типической модели наследия как поликультурной модели, которая должна обеспечить толерантность, конформизм, гражданскую солидарность. В соответствии с чертами этой идеально-типической модели подбираются учреждения культуры, образования, просвещения, воспитания, призванные реализовывать культурную политику, и разрабатываются конкретные программы действия.